

*Птица
горести*

Николай Масленников

16+

Николай Александрович Масленников

Птица горести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38974922

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-11538-5

Аннотация

Взяв за руку, белокурый юноша проведет вас по тёмной и мистической дороге с тем, чтобы показать, какими красками играет мир в глазах человека, видевшего некогда его чёрные стороны. Повстречаете холод тоски, боли и усталости. Временами путь будет озаряться разноцветными переливами хрустального замка, но только до того, пока не забредёте в дебри лабиринта, где на живом примере познаете самокопание человека. С главным героем вырастите вы птицу и взлетите на ней по ветрам депрессии. Там, на высоте, во всей красе раскроется мрачный горизонт мыслей и живыми картинами предстанет пред вами прошлое юноши. И тогда вы всё поймёте, что хотел он сказать...

Николай Масленников

Птица горести

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я – историк. Сегодня вечером на Патриарших будет интересная история!

Булгаков, «Мастер и Маргарита»

Мир особенно красив, когда он предстаёт пред человеком в разных красках. Палитра этих оттенков безгранична, но её, как и всё сущее, можно с грубой людской расчетливостью разделить на преобладающие цвета: белый, серый, зелёный и желтый.

Первый укутывает природу мягкой белоснежной шубой, и она, доверчивая и наивная, поддавшись нежным ласкам, забывает обо всем на свете. В объятиях она медленно проникается пленительным забвением и впадает в сладостную дремоту. И тут-то наступает время серого цвета: он, словно разъярённый муж, движимый силой ревности, резко срывает с её плеч шубу, подаренную любовником, и начинает яростно топтать памятный подарок – белизна меняется серостью. Общая картина становится мрачнее, когда в глаза

кидается обнаженный, дрожащий под стыдливым горем стан несчастной: он источает бесцветное уныние. Однако время, как для одних служит губительным оружием, так для других лекарством. Природа, будто женщина, совершившая ужасную ошибку, скоро с исступлением предается мукам сожаления и всем таящимся там страданиям. Преодолев мучительный путь раскаяния, она начинает расцветать – робко, стеснительно, обретая прелесть юной девушки. И вот мир окрашивается зелёным цветом. Здоровая и полная сил природа вкушает всю прелесть жизни, и грудь её вздымается под тёплым ветром счастья. Наступают безмятежные часы непрерывного блаженства... как вдруг, среди свершившихся грез, рождаются вопросы: «Неужели тихие минуты счастья, о которых я так мечтала, имеют свои границы? Что же дальше? Чего мне больше хотеть? Неужели это предел мечтаний... это всё?» – она терзает себя подобным, и вместе с ними начинает доноситься легкое веяние холода. Теперь же пред людьми разворачивается сцена великой трагедии: природа, лишь в малой степени проявляя своё внутреннее состояние, медленно увядает. Желтые краски, весёлые по своей натуре, в случившейся ситуации всей сущностью проникаются скорбью, отчего подобное смешивание образов порождает предмет безукоризненного изящества. Птицы – символ благополучия, чувствуя что-то неладное, улетают от неё. Желтые листья кружат в наполненном грустью воздухе и падают бездыханными. И листва, лаская душу, сладко шуршит под нога-

ми.

В один из таких сентябрьских вечеров, укутавшись в пальто, медленно ступал по засыпанной листвою тропе человек, молодой внешности, ростом чуть выше среднего, с приятным лицом, мягкие формы которого покрылись краской мороза: на щеках выступило два нежно-красных пятна, а нос залился терпко-розовым; его белокурые волосы доходили до плеч и трепетали под зябким дыханием ветра. Под ногами блестела золотисто-красная листва, которая так привлекала взор; но она ни капли сейчас не волновала его. Выразительные зеленые глаза юноши медленно скользили по местности и не останавливались ни на одном предмете. Он не удостоил своим вниманием даже небо, на котором не было ни единого облака; совершенно вся гладь была залита лёгкой голубизной. Вряд ли он вообще что-либо замечал, ведь в голове были далеко отвлечённые мысли.

Тебе очень хорошо известно: если позволишь хоть капельке грусти проникнуть в область около груди, то она в момент завладеет тобою; красота станет в разы милее сердцу и ты будешь смотреть на прекрасное замороженно, но в то же время летать где-то очень высоко над этим миром и, получается смешно, вовсе не замечать всего того перед собой, на что так долго созерцал с замиранием духа.

Подняв воротник и поджав шею, насколько только это возможно, Александр плел домой после очередного изможденного дня, который, как и множество предыдущих, неглас-

но вырывал из него остатки жизненных сил. Накопившаяся разочарованность и усталость от мира заставили понести Александра столько душевных мук и потрясений, что в последнее время он едва не лишался чувств и рассудка. Иной раз в его сдвинутых бровях нельзя было найти ничего, кроме мысли, и чем глубинней она, тем ближе они сжимались, хоть не специально, однако явно выражая внутреннюю напряжённость и задумчивость хозяина.

Мысль, подобно ветру, который своим порывом приносит изменения в прекрасное юношеское лицо: то появится складка на лбу, то искристость взора сменится апатичностью, то брови расположатся несимметрично и одна будет выше другой, то на нежных щеках прорежутся и яростно застучат скулы. Но дуновение ветра не искажает деревья, когда те в цвету; лишь некогда нежившиеся листья начинают блестеть и танцевать на ветру. Так же и юное лицо: оно не становится будто постарелым или менее красивым, а наоборот, этот поэтический порыв вносит свою прелесть, добавляет что-то необъяснимо прекрасное; проявляются томные лучики, под светом которых прекрасный лик загорается всё большим и большим обаянием, и никто не сможет их назвать искажением.

Тебе будет интересно нырнуть в голову Александра, погрузиться в необъятную массу восприятия, чтоб там, под преломляющимися на поверхности лучами эмоций, под мелькающими догадками и густыми замыслами, всё более

углубляясь, в тени дна найти отравляющие тяжестью думы. Обнаружив, внимательно присмотришься к выкованным цифрам на их поверхностях, и ответь: действительно ли затонули они осенью?

«Из-за чего осенняя пора навеивает тоскливые мысли, когда вокруг так живописно? Вот стая порхающих птиц, ярко-красная рябина... Пора красочных деревьев и холодного дождя – это разве грустно? Почему становится грустно при виде падающего, уже бездыханного листка, самоотверженно напоминающего нам о тленности жизни? При больно бьющих каплях, добывающих своей порывистой силой хрупкое состояние природы... – Александр понял, что сам ответил на свой вопрос, но, не останавливаясь, продолжал все дальше углубляться в свои мысли, давая им логический ход. – Природа мудра и навеивает печаль только осенью. Всё-таки настоящее уныние лежит в людях и их ничтожности, в их «проблемах» и удовольствиях, разговорах и мыслях. А ведь когда-то раньше, чтобы не разочаровываться в человеке, я старался не смотреть на его лицо... – при этих воспоминаниях он горько улыбнулся, и отзвуки грусти пробежали по его лицу, – но время показало мне, что большее огорчение можно найти где-то у него внутри. И сейчас, чтобы не разочароваться, я стараюсь не смотреть ему в душу. Почему же коснувшись грязи, она затягивает всех до одного? И все эти утопленники так и не подозревали, да, наверное, и не хотели даже понимать, что в этом нельзя даже увязнуть. Вот почему

я произвольно сравниваю человека с животным... Но разве может ли животное копаться в своём разуме, критиковать себе подобных и заниматься самобичеванием? Ну почему я терзаю себя мыслями об этом, если все мы имеем общее начало и состоим из одной плоти?»

Все эти вопросы, один за другим, яростно вырастали в голове Александра, подобно острейшим штыкам пред грозящим боем. Некая мощная волна приносила все больше и больше вопросов, а с ними сомнений и терзаний; своей силой она порывисто выплескивала что-то мучительно-новое, и, отползая назад, давала лишь короткое мгновение нашему герою на осмысление столь глубоких и непостижимых человеку вещей; в этом небольшом затишье она нетерпеливо ждала от него ответов; и вдруг мощь её вновь возрастала, она опять приближалась, как живая, и Александр, как никто, чувствовал рядом чужое дыхание: под каждым её вдохом становилось труднее, а на выдохе все более холоднее; волна только начинала выплёскивать ошеломляющие мысли.

Пока мы вглядывались в шторм мыслей, порождённый разъярённым ураганом депрессии, то вовсе не успевали проследить изменения в окружающей Александра картины. Задумчивость напустила на его глаза дремоту, которая развеялась лишь при ясных оттенках близости ночи. Он замечал, как вечер становился темнее с каждой, зловеще шептавшей на руке стрелкой часов, секундой. Свет фонарей так ослаб,

что не в состоянии был и дотянуться своими тёплыми нитями до озябшей земли, кое обстоятельство являлось весьма странным, ведь, сколько не помнит их Александр, они всегда обдавали улицу обильным светом. Постепенно все затягивалось пеленою: ни то густым туманом, еле пропускающим свет, ни то чёрным дымом в темную ночь, ни то всем перечисленным в совокупности.

Именно в тот момент, когда это начало казаться чем-то другим, нежели обычные сумерки, Александр остановился перед озером, берега которого, опять же, по обыкновению вечером были охвачены цветовым пожаром; сейчас же перед ним открылась странная картина: здесь едва пробивались расплывчатые чахлые огоньки, будто их пожирала пустота мрака. Он долго вглядывался в тусклый источник света, но тот как будто удалялся, сжимался по расплывчатому контуру, покрывался тихо кружащимися темными узорами, которые, в своей черед, накладывались друг на друга в медленном вальсе; и, в конце концов, уже помутневший огонек утопал пушистой темноте.

Александр мечталось, словно он – добрый рыцарь, угодивший в страшную сказку без меча, но с высоко поднятой грудью и со сжатыми кулаками, ничего не видящий и предвкушающий схватку. Но тем не менее разум, как безнадежный прозаик, старался утешить его волнение, объясняя это лишь невиданным скоплением тумана в темное время суток и влиянием мрачной музыки – в наушниках звучал *Earl*

Sweatshirt "Grief".

Волнение и страх пробирались в душу и Александр грезил поскорее оказаться дома. Он всегда находил там сладкое умиротворение – чувство, такое противоположное его внутреннему состоянию сейчас. Нечто влекущего в домашней атмосфере являлась привычная прелесть окружения. Александр испытал в этих стенах достаточно много, и накал этих чувств был так велик, что там, как следствие, зародилась некая сладостная квинтэссенция, осязаемая лишь его глазу. Благодаря ей, такой полюбившейся его сердцу, пережитые мгновения невольно оживлялись в памяти. Воспоминания тут же начинали рисовать Александру картины, на которых он плавал в блаженстве, найдя удовлетворение духовным порывам в книгах, где обычные, отштампованные чёрными красками на бумаге слова обретали какое-то волшебное свойство; восхищался маленькими, несущественными для общей картины мира, но такими драгоценными событиями, являющимися абсолютно всем и истинно сокровенным в жизни лишь одного человека, что подобный единичный блеск в сочетании с другими и есть разноцветное сияние всей человеческой судьбы – он созерцал это и на примере фильмов; наблюдал на холстах бурление жизни в замеревшем колыпании травы или же считывал глубинность мысли в переполненном чувствами лице засмотревшейся девушки, грудь которой вот-вот взволнуется глубоким вдохом после столь продолжительной остановки и судорожно покроется

дрожью под испытываемым душевным огнём и изливающимися рыданиями.

Не буду говорить, с каким чувством отвращения Александр ступил на землю затемнённого участка. Он на ощупь отдалялся от умирающих огней озера, и только стоило потерять их из виду, как при столь же внезапных, сколь и кратковременных вспышках расплывчатой луны, тень домов выступила во всём ужасающем облиии, грозя своими острыми силуэтами, ничуть не уступая в эффектности серым раскидистым тополям, которые выросли перед Александром в незыблемых, наделённых несуразно-грубой силой, извращённых гигантов, со скрипом качающихся под гнетом уродливой наружности, трясая ветвями, половина коих была переломлена.

«Даже самые обыкновенные вещи предстают предо мной ужасными явлениями, и все благодаря фантазии...» – наш герой понимал, что нужно быть более хладнокровным и не давать воли смятению. Он крепился духом и старался подавлять панические атаки; но невозможно ввести в заблуждение человеческий мозг, когда тот имеет истинное представление благодаря зрительному источнику о происходящей ситуации. Александр не видел своих рук, не говоря уже о том, что происходит под ногами. Каждый новый шаг давался ему с большим усилием, ибо случалось все больше неуверенности и кошмаров, которых приходилось преодолевать, как в один момент на горизонте появился слабенький луч фонаря.

Круг отчаянно вёл борьбу с густым туманом и, пытаясь отбиться от навязчивых объятий пелены, плавно мерцал. Вскоре тонкий лучик вспыхнул, и последовал мощный всплеск света – он облил квадратное, размером с трехэтажный дом, сооружение. Александр сразу узнал триумфальную арку, над чьим декором трудился собственноручно, с тончайшей кропотливостью вырезая фигуры древнегреческих богов на её мраморных стенах. Со временем свет фонаря начал меркнуть, отчего стало ясно, что тот взрыв энергии забрал все последние силы; выглядело это так, словно луч зарастал бесцветным и густым мхом.

У Александра будто камень с души свалился: присутствие арки означало, что дом находится совсем близко, а точнее, является его началом, так как она и есть главный вход в его частные владения. Он успел сделать лишь четыре твёрдых шага перед тем, как очертания арки расплылись и улетучились. Наш герой оказался в сплошной, хоть глаз выколи, мгле. Встав, как вкопанный, он растерялся, ведь обернувшись, не увидел совершенно ничего, кроме тени, которая прямо на его глазах затягивала весь мир. Будто земной шар поглощался какой-то необъятной, невообразимой тварью, и он, крошечный человечек, находится в апогее всего этого хаоса, которым правит мрак.

Когда же Александр захотел дотронуться до зловещего черного тумана, который уже больше походил из-за своей густой плотности на невесомую, парящую в воздухе шерстя-

ную материю, дабы осязать его, то ощутил что-то холодное, крепко схватившее его за кисти. Он инстинктивно ринулся в сторону, но тут же уразумел, что подобные попытки были пресечены ещё на корню: его окаменевшие конечности впились в бездонную темь. Всё, что Александр мог – наблюдать, как тысячи растущих из беспросветной пустоты рук кишат на его груди, вцепляются в локти и кисти, оплетают всё тело, разрастаются друг на друге и поднимают его вверх.

Сложно представить себе ярчайшего контраста, нежели восставшего пред нами: среди нескончаемой тьмы всходит белоснежный, мерцающий маленькими точками побег, основание которого удивительно быстро увеличивается в размерах, а тонкая вьющаяся верхушка непрерывно тянется ввысь. Этот побег и есть бесконечное множество белых конечностей; хватаясь за себя подобных, они увеличивают размеры ствола ежесекундно, отчего побег скоро превращается в белую волну, на гребне которой несётся человек. Он с широко раскрытыми глазами возносится среди мглы по бледным рукам, безмолвно, отсутствующим взором смотря то вниз на бесконечную вереницу, то вверх на прорывающийся ослепительный луч.

То ли от страха, то ли отчего-то другого, однако наш герой только и помнит, как оказался у себя дома уже с включённым светом, с птицей и свертком бумаги в руках.

ГЛАВА ВТОРАЯ

*Когда настроение скверное, не все ли равно,
что там за окошком.*

Сэлинджер, «Над пропастью во ржи»

Белая вспышка, вылетевшая из точки по центру, процесс, подобный включению телевизора 80-х годов – первое, что Александр увидел, вернула ему сознание. Он нашел себя в прихожей, прислонившимся спиной к комоду, на полу. После минувшего вихря мистических событий в его голове ещё порывисто бродил ветер, и, пробираясь в каждый темный уголок, не позволял нашему герою отвлечься от хаоса безобразных мыслей. Порывы ветра – явления, как внутреннего мира человека, так и внешнего мира, чьи близкие сходства можно заметить без труда: они одинаково препятствуют и путешественнику в дороге, портя видимость мутновато-искаженными полосами, которые рисуются в воздухе резкими мазками; и Александру, закрывая ему чистый горизонт мыслей, и даже его чуткость ума пока не могла прозреть ясную картину. Холод дуновений пробирался и в душу, принося в нее смутные и скверные чувства.

Знаешь, разбитое состояние, в каком прибывает Александр, сравнимо с тем, что бывает после сна: проснувшись, с пронзительной болью обнаруживаешь, что несчастен в этой жизни; ночь улетучивается и на смену ей приходит горь-

кое послевкусие – апатия и разочарование. Сильнейшее уныние накрывает с головой именно когда умываешься: вроде бы трешь зубы, а почему-то раздрает только душу; но как раз таки в эту нелёгкую минуту, в процессе глубокого анализа собственных чувств, будто кто-то внутри, сжалившись над комично-горестной сценой, кидает круг помощи в виде осмысления, что всему виной либо дурной, либо слишком сладостный сон.

Вот и в этот раз Александр, сослался на дурное послевкусие.

Итак, спустя некоторое время, за которое он успел поймать несколько витающих мыслей и соединить их в нечто целое, вспомнил он и про внешнюю среду. На его руках, как никак, находилась птица. «Какая маленькая птичка. Где же я тебя среди этой тьмы подобрал? – первое, что вымолвил Александр после долгого раздумья; в ответ ему попискивал птенец. – Правда, несмотря на твой младенческий вид, и всем вытекающим отсюда умилениям, которые непроизвольно возникают при виде беззащитного существа, выглядишь ты крайне непривлекательно».

Да прости мне, читатель, за такую несуразицу: этот птенец вовсе не выглядел противным, какими частенько бывают его новорождённые собратья, и во внешнем виде его нельзя подчеркнуть ни малейшего признака уродства. Да что уж тут говорить, изучая внешность, можно подметить и особые привлекательные признаки, как например: отсутствие блеска пе-

рьев – выглядит, будто у пташки они матовые; шея украшена белым пятном, единственным на всем теле; однако, подводя черту итога, любой, глянувший на него чуть более чем мимолетно, согласится, что общий образ птицы вовсе нельзя назвать притягательным.

Что-то смущало и Александра. Он никак не мог понять, почему изящный чёрный цвет перьев, переливающийся на свету глубокой синевой; вытянутый, закруглённый и на конце острый клюв; безостановочно бегающие, всего-навсего испуганные глаза – всё это, вроде бы, ни разу не устрашающее по отдельности, как, слившись воедино, вдруг внушают безотчетный холодок, граничащий с ужасом. Иной раз Александру становилось сильно не по себе, когда два чёрных пятнышка после безостановочной беготни резко останавливались на нём.

Так же в руке у нашего героя находилось подобие записки. Почему подобие? Потому что это обычный скрученный белый лист! И как только он ни вертел этот чертов листок, все равно не находил ни единого слова.

Невозможно представить, с какой прыткостью человек может терзать мозг количеством одинаковых вопросов, при этом ничуть не теряя интереса. Все до одного они были связаны с этим бредом, псевдо-запиской и птицей. Больше всего Александр хотел понять, что же произошло с ним на улице.

«Можно предположить, что, скорее всего, это был приступ, от которого темнеет в глазах и звенит ушах, и не муд-

рено, что совершенно не припомню, как оказался здесь. Повезло, что все-таки смог добраться до дома. – Сидя на обуви у комода, поджав под себя ноги, размышлял Александр. – Но со мной никогда прежде не случилось ничего подобного. И что это за приступ такой? Как вообще можно объяснить эти мрачные видения?»

Сия мысль затмила у него все остальные. Он пытался найти хоть капельку довода, пусть и выдуманного, главное – убедительного, чтобы оправдаться им пред терзающим воображением, которое обрадовалось представившейся волей, как едва уловимый звук от окна вывел его из задумчивости. «Кажется, кто-то стучится?» – подумал Александр, и с удивлением заметил такую приятную на слух нотку робости, редкую в его век, что сразу же покорился вежливостью стучащегося. Но не успел покорённый и подняться с пола, как застенчивость незваного гостя бурно сменилась настойчивостью. Буквально три секунды спустя ему пытались разбить стекло.

Такой выходкой этот невежа, как по щелчку заставил собрать Александра все, покинувшие его некогда, силы. Никогда ему не приходилось слышать звука, столь раздражающего слух, отчего в районе шеи вдруг порывисто защекотало и, побежав внутрь, разлилось по голове. Александра начало бесить и это дурацкое дребезжащее стекло! Назойливость стука, как ему казалось, усилилась, и на теле выступили мурашки, руки покрылись лёгкой дрожью. Сосуд, отведённый душе человеческой, был уже чересчур полон чувством раздраже-

ния, отчего края его принялись изливаться и брызги полетели во все стороны. Мигом подскочив на ноги, Александр запылал ответить на нетерпение нетерпением. Распростертые кулаки были уже наготове. Иных доказательств в том, что его посмели дразнить прямо у себя дома, было уже не нужно, из-за чего развитое самолюбие забило тревогу, призывая покарать насмешника, все больше и больше подогревая бешенство. Уверяю тебя, никто и никогда не был так близко похож на льва, чем Александр в эту минуту: его соломенные волосы, и без того пышные, слегка приподнялись и будто бы надулись – это была самая роскошная грива.

Один резкий прыжок и он уже за углом коридора. Ещё семь могучих шагов – позади длинный зал. Теперь перед ним окно. Какого было велико его изумление, когда в окне, расположенном на третьем этаже, не оказалось ни души. Только одинокий мощный дождь бился о стекло, барабана по наружному железному подоконнику, называемому, к слову, карнизом.

«Маленькие прозрачные частички вызывают у человека душевное волнение... будто доказывая всему свету о существовании возвышенных истин, гласящих о пути самоотречения во имя великого, они так же стремятся, преодолевая долгий путь, наделённый невзгодами, предварительно вкушая сладость жертвы, которую им предстоит принести... а в конце отчаянно расшибаются о предмет своего стремления, кидаясь в объятия мечте...» – Александр задумчиво

вглядывался в подающие капли, медленно взбираясь к темным небесам по блестящему канату, состоящего из сплошных крошек серебра. Небо оказалось без единого просвета, что в секунду поразило его. В памяти всплыли недавние воспоминания.

Он блуждает среди чёрной небесной пышности. «Если все так плохо, и сейчас опять предстанет предо мной нечто невообразимое, – говорит он, на удивление, басисто-растянутым, не своим голосом, – то почему бы не попробовать обратить это в свою пользу? Будь это плод фантазии, передо мной наверняка предстанет то, что вздумается моему разгульному воображению... а значит, смогу увидеть всё, чего только я захочу». И он усердно принялся представлять олимп древнегреческих богов, вкладывая в это занятие большие силы. Общая картина ничуть не изменилась, когда он открыл глаза: здесь по-прежнему витали чёрные облака. Повея ногой и убедившись, что ничего не сковывает его тело, что было, в общем-то, хорошей новостью на фоне остальных, Александр слегка ободрился и сделал несколько шагов по пышности, ступая, как ребёнок по сугробам, слегка проминая мягкую поверхность.

Ему хотелось найти олимп, чтобы насладиться объектом своего вечного восхищения, но далекий звук грома сбил его с пути. Петляя, он забрёл глубоко в глушь. Александра окружали сплошные дебри, похожие на лабиринт, которые как-то незаметно для него возвысились над головой. Всякий раз,

когда глаза его жадно цеплялись за угол, который вёл непременно к выходу, пред ним представляли до боли знакомые вещи и уводили в другую сторону. В тупиках он находил моменты прожитой жизни, в резких поворотах скрывались самые сокровенные мысли, а в длинных коридорах являлись ужасы вперемешку с мечтами – словом, всё, что находилось в лабиринте, имело тесную связь с Александром. Одна мысль, что странности поворотов предназначались именно для него, кидала его в смятение, однако, вместе с этим, вызывала и живой интерес.

Сущность лабиринта заключается в том, что каждый отдельный поворот заключает в себе человеческие тайны. И следуя предписанию этих секретов, Александр сворачивал все ближе по направлению к беспросветной тьме вечного забвения, к той самой, в которой потерялись великие из людей. Они узнавали там слишком много нового, чуждого серому уму, и стоило им провозгласить тайны во всеуслышание, как люди начинали считать их сумасшедшими. Наш главный герой, обречённый и одинокий, бродил в своде человеческого разума.

Иногда нужен хоть какой-нибудь краешек земли, пусть даже что-либо приземлённое, за что можно было бы уцепиться даже кончиком пальцев. Подобное спасает от гибели при водвороте реки Лета. Но лучше всего этого, конечно, искренне протянутая рука.

В этот же момент, будто прочитав забвение Александра,

птенец устремил глаза в грозное небо. Вспыхнула белоснежная искра. Темный небосвод озарился фиолетовым огнём. Ломаный прут слепящего света насквозь пронзил грудь тучи. Грохот, крушащий все на своём пути, наткнулся на непроницаемые дебри, в коих бродил Александр, и, прорвав их в секунду, обрушился на всю вселенную. Хаос испытывал всемирный порядок на прочность.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Рыцарь

Анна-Мария, солнце взошло, Анна, любимая, стало светло, Туман разошелся, и птицы запели. Анна, мой друг, подымайся с постели! Анна, вставай! Озарился восток, Слышишь охотничий радостный рог? Вторяют ему и деревья и скалы. Анна-Мария, вставай – солнце встало!

Вамба

О Тибальт, мой милый, совсем еще рано; Мне спится так сладко! Я, Тибальт, не встану! И что наяву может радовать нас В сравнении с тем, что я вижу сейчас? Пусть охотник трубит в свой рожок все чудесней И птицы встречают зарю своей песней, – Счастливее их я бываю во сне, Но, Тибальт, не думай, что спишься ты мне.

Вальтер Скотт, «Айвенго»

Пробудившись после долгого сна, который показался на-

шему герою столь продолжительным в виду однообразной чёрной картинки, Александр больше ни капли не чувствовал себя разбито, как это было вчера, или, лучше сказать, накануне, потому что счёт времени был для него потерян. Он пребывал в легком расположении духа, ибо голову больше не омрачали плохие мысли. Ураган сменился ясным погожим днём. Знаешь, иногда и сюда пробирается всемогущий закон подлости. Его проявления частенько бывают весьма забавны, вот, к примеру, засыпая радостным, вероятнее всего, проснёшься унылым, и наоборот.

«М-да, ну и мрачные сновидения, однако! – Подытожил Александр. – Хотя, летать по собственному разуму, находясь во власти сна – явление обыкновенное... Отсюда объясняется и изощрённая мечтательность. Это все ярчайшие примеры ночных грёз».

Так, о чем-то мечтая и неохотно думая, он провалялся в постели целых двадцать с лишним минут. Все это время он дожидался аппетита, может быть, пародируя безумно влюблённого, с трепетом ожидающего пробуждения своей второй половинки. И, наконец-таки, дождавшись, Александр как следовало потянулся, сбросил правую ногу, через минуту кончиком левой коснулся пола, но затем отдёргнул правую и, протянув её в дальний угол кровати, перевернулся на живот. Затейные им планы отложились на семь минут, по завершению которых он резко встал, и, не поддавшись головокружению, резко потянувшему его назад, положил начало

запланированным делам. Однако камнем преткновения послужил уже знакомый нам птенец, который очень мило расположился в ботинке. Александр, будучи поистине вежливым человеком, взял за правило требовать от себя то же, что просит от других. Именно поэтому он решил не разрушать уют спящей птички.

«Вдруг птенец ещё успел намечтать, что мой ботинок – его дом! Он ещё очень маленький для того, чтобы я разбивал его иллюзии, – тихо и добродушно усмехнулся он, но потом задумался. – Так, значит выходит, что это все-таки был дурной вечер, а не просто сновидения... это было наяву? – от этой мысли по спине у него пробежал холодок, а вслед за ним же теплота здравого смысла. – В любом случае случившееся – это бред, болезненно выдуманный моей головой, и сейчас он кажется не таким уж поразительным, хотя вчера меня трясло от этого».

Часто ли у тебя происходит что-то подобное? Иногда ночью, в нежном полумраке, какой-то предмет кажется возвышенным; ты будто под влиянием хмеля, дурман которого штурмом захватывает разум и подменяет восприятие. И стоит лишь прорезаться первым лучам отрезвляющего солнца, как иллюзии вдруг улетучиваются, оставляя лишь послевкусие, горечь которого уже ни капельки не говорит о том, что дело имелось с чем-то волшебным.

Александр подумывал об этом, завтракая, по обыкновению, тостами, джемом и душистым чаем. Он смотрел в ок-

но, также силясь понять, сколько продолжалось его забытьё. «Или не вчера... какое же число сегодня?» – он обратился к календарю и нашёл там 3 октября. Всё же это не дало никакого ответа, ибо он попросту не помнил, какое число было на днях. «Ну и черт с этим! – сказал он себе, – Люди, которые изо дня в день, очередным утром, бегут на работу, только то делают, что считают каждый злосчастный день, отделяющий их от блаженного времяпрепровождения, за что и проклинаят себя. Я же освобождён от этой обязанности. В их глазах я выгляжу счастливым человеком... потому что не считаю дни до отпуска! Ха-ха! А на самом деле мое счастье заключается в том, что я попросту занимаюсь любимым делом... и занимаюсь так, чтобы это не стало «работой», тем безжалостно искажённым в их понимании словом».

Вот и наступила та щепетильная пора, когда читателю предстоит поближе познакомиться с главным лицом, ибо последний, по неловкой случайности, заговорил о себе, а это, с точки зрения культурного человека, вовсе недопустимо, что бы рассказывать про себя всякие всячести не представившись, не имея факта официального знакомства. Тебе ещё мало что о нём известно, наверняка, помимо имени. И кто бы ожидал, что уже на этом моменте будет первая заговоздка. Дело в том, что Александр никогда не открывал своей фамилии и отчества, руководствуясь только тем странным сообщением, якобы в скрытности есть нечто привлекательное, как известность, от которой он так энергично уворачивался,

словно от ударов врага, только отвращала его.

«Какому человеку в минуты сильнейшей приобщённости к миру, при осознании, что ты – неотъемлемая часть вселенной, не хочется тщеславия и всеобщего признания, в особенности художнику, как великому создателю? – задавался Александр, на что сам же себе и отвечал. – А что значит это одобрение? Признание ли не есть голос выхолощенной массы, выражающий творцу свою духовную близость... близость к серому, скучному, бесцветному? Разве в состоянии слепой понять контраст цвета? Разве способна мошка, живущая от раннего утра до позднего обеда, утонуть в глубине ночных красок? Разве сможет ли животное, пересилив страх перед пожирающим пламенем, проникнуться величием его оттенков?»

Однако вернёмся к его имени. Осмелюсь доложить тебе, как принято говорить, по секрету, что, в целом, его имени будет здесь вполне достаточно, а все остальные формальности неважны, ибо они только отвлекут тебя, уведут твоё внимание не в ту сторону, заставит искать скрытый смысл, которого попросту нет. Автор собой напоминает маленького мальчика, который, удирая по школьному коридору от погони таких же озорников, на полном ходу влетает в лабораторию, где взор его мигом пронзается блеском бесчисленных пробирок, разноцветных склянок и переливающихся жидкостей; да стоит ему только заметить среди прочего профессоров, глаза его начинают округляться, будто бы на дрожжах,

наблюдая за тем, как ловко они управляют со всеми приборами, демонстрируя даже самые простые, однако остроумные эксперименты: вот берут они, улыбаясь, именную пробирку, добавляют несколько частичек смыслового элемента, перемешивают раствор и на дне является реакция, визуальные эффекты которой гласят, что пробирка стала глубже. Таким образом мудрые профессора порождали разнообразных Обломовых, Собакевичей, Овсовых, Ноздревых, Раскольниковых, Молчалиных и прочих персонажей, кои выпрыгивали прямо из пробирки, содержа в именах явный посыл, некоторую смысловую предрасположенность. Стоит напомнить, что мы, все же, смотрим детскими глазами, и вовсе не владем подобной магией превращения, а, значит, остаётся ею только удивляться.

Однако не достаточно ли знать о человеке все, кроме того, как он полностью называется?

Наш герой – молодой человек, терзающий свою душу двадцать три года. С виду он молод не по годам, и будто моложе всех своих сверстников лет на... сложно сказать точно, насколько, да и неправильно, ведь эта оценка лишь субъективна; однако могу тебя уверить в том, что данное значение, колеблющееся в диапазоне числа пальцев на руке среднестатистического человека, никогда не выходило за его пределы. Когда-то в детстве, будучи ниже всех на добрую единицу, опрокидывая назад при разговоре с друзьями голову, Александр стеснялся подобного возрастного контраста, но стои-

ло ему вкусить сладость юности и возмужать, как комплекс перерос в маленькую гордость. Он с наслаждением наблюдал за красотой молодости, которая была ключом и протекала медленно и равномерно только оттого, что почва, на кой она взлелеивалась, была ничем не иначе, как залежами душевной чистоты и светлых чувств нашего героя. Блаженные, старательно созданные условия почвы поддерживали пылкость молодости Александра, вдыхая в неё новые силы. Являясь обладателем такого рода драгоценности, он, как это редко бывает, высоко ценил каждое её свойство, и, встречая обратное, искренне дивился пренебрежительному отношению.

«Молодое поколение, включая моих ровесников, стремится выглядеть старше... однако, к чему же это? Вместо того чтобы наслаждаться сладостью яблок, когда они в наивысшей степени вкусны, люди простирают длань и отодвигают их разговором о вещах, с коими будут иметь дело всю оставшуюся жизнь... однако всё вскоре приедается, и тут-то они вспоминают о сладости... но яблоки уже оказываются раздавленными стопой времени, мимоходом наступившей на них. Тогда-то люди проникаются сожалением, и душа их оттеняется краской потери... Так неужели нельзя вдоволь упиться сладостью сначала, когда на это отведено время, а уж потом, насытившись теплыми чувствами молодости, приятно предвкушая нечто новое, вступить на поприще взрослой жизни? Мне, правда, становится обидно, когда хрупкий голосок говорит о вещах прозаичных, когда нежные губы дви-

жимы не шёпотом сердца, а вместо тёплого взора является лукавый... Вопрос, на который я никак не могу найти ответа: зачем гнать прекрасное время в прошлое?»

Вот погляди на него: Александр полон прекрасной силой молодости и, расцветая, она принесла очаровательные плоды: милое лицо с правильными мягкими формами, непорочные зеленые глаза, опущённые ресницами, вьющиеся волосы соломенного цвета. В его мышцах игристо бродит уже взшедшая и ни капли нерастраченная мощь, а жилы обжигаются горячей кровью. Все его существо так и дышит свежестью раннего утра.

Остаётся только гадать, где находится истинная красота Александра – снаружи или внутри? Иной раз он так самоотверженно отдаёт всего себя то холсту, то бумаге, что после воплощения своих идей чувствует совершенную опустошённость. Всячески пытаться показывать глубинность мира, его необычайные оттенки, неподвластные обыкновенному житейскому глазу, зная, что это, скорее всего, никто не поймёт – участь великого человека.

«Нет, я не могу быть одиноким в таком большом мире. Пусть даже где-нибудь на другой половине земного шара... я уверен, что есть такой же человек, который чувствует что-то похожее... он тоже страдает от этой боли, которая забирается вот сюда, в грудь и скребется, раздирает изнутри. Может быть, он тоже выйдет на прогулку, оглянется вокруг, посмотрит на деревья, на дома, и, прислушавшись к ветру, на-

шептывающему любовь к жизни, почувствует невыносимую грусть. Может быть, он тоже, обнаружив слезы, быстро утрёт их, томно улыбнётся и, глубоко вдохнув, растроганный, пойдёт медленнее. Может быть, он тоже живёт с надеждой хоть раз встретить похожего на себя человека... хотя бы для того, чтобы просто прикоснуться к плечу, заглянуть в глаза и, не сказав ни слова, поведать друг другу душевные волнения».

Не мог же Александр оказаться в темной и холодной пустоте совершенно один?

Таким романтикам, как наш герой, живётся очень сложно. Только представь: ты воздвиг собственный хрустальный мир; в солнечную погоду он, подмигивая бликами, переливается разными цветами, а в дождь забавляется с каплями, превращая на своих стенках их в тонких, прозрачных, тянущихся вниз змеек, которые, в свою очередь, начинают выяснять между собой же быстрее. Ты наслаждаешься своим творением, и в голову лезут «это все мое?», «как же я смог это выстроить?», «не могу поверить своему счастью...» – как вдруг раздаётся дребезжащий, оглушительный звук: стеклянные стены дворца дрожат от ударов, осколки потолка звонко бьются о пол, да с такой силой, что на нем разрастается трещина, похожая на пасть хищника, куда вскоре устремляется все, что тебе было дорого.

Кто же наносит столь сокрушительные удары? – низость и приземленность людей, которым ты решился доверить внутренний мир. И так происходит каждый раз, когда сталки-

ваешься с абсурдностью и жестокостью, кротно называя это уроком жизни. Масштабность личности заключается в том, с какой кропотливостью человек будет выковывать каждую деталь при строительстве очередного нового, маленького и хрупкого замка, понимая, что этот хрустальный дворец могут опять разрушить, если он осмелится раскрыть его, отдернув белое покрывало. Ужасно сложно начинать все заново, но кто оказывается выше этого тяжкого труда, в один момент выстраивает незыблемую хрустальную вселенную.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Знаете, я не понимаю, как можно проходить мимо дерева и не быть счастливым, что видишь его?

Достоевский, «Идиот»

«Какой вкусный чай! В нем едва улавливается вкус лимона. Вот интересно, сколько можно просидеть в таком уютном кресле с тёплой кружкой в руках, созерцая желтую массу, в которую окутаны почерневшие от влаги стволы деревьев? Особенно, если слушать воодушевляющую музыку» – в колонках играл *Yung Lean “Eye Contact”*. Александр чувствовал, как мелодия брала его душу за руку и ныряла в окно, где, расправив крылья, ритмичными звуками, точно взмахами, уносила к верхушкам деревьев. Там они весело перепрыгивали

с крону на крону, как на жёлтых батутах, при этом иной раз так сильно ударяя по ним ногой, что листья мигом разлетались в разные стороны, будь то пух да перья из подушки. Когда музыка близилась к завершению, она, поддерживая руку в стиле кавалера на балах, отводила Александра назад в комнату, не роняя при этом ни слова; однако он каждый раз считывал с её губ «скоро повторим», и, пребывая в упоении, начинал предвкушать встречу вновь, как сладостно ждут её друзья после долгой разлуки. Питать любовь к музыке можно хотя бы только за то, что ей подвластно поднять планку эмоционального напряжения, увеличить накал переживаний в любых, каких бы то не было начинаниях: то завтрак покажется вкуснее, то прогулка ламповой, то книга глубже.

«В состоянии чувствительной заострённости человек то и дело находит в прозаичных моментах нечто душевное, поэтичное. Не значит ли это то, что именно предмет, который заостряет его чувствительность – и есть поэзия? Музыка, в которой мелодия и голос сливаются воедино, лелеет слух да устремляет ввысь, и в таком случае значение слов не имеет веса, если они не нарушают гармонию блаженного потока звуков... но иной раз поток мгновенно иссушается, находишь себя прибитым к земле низменными гвоздями – случается это оттого, что в сознание непроизвольно врезается смысл уродливых слов, в особенности если они произносятся на родном языке» – Александр глядел в раскрытое окно, наблюдая за тянущейся вдалеке полосой дыма.

«Удачность дня зависит от утреннего чаепития! – лицо его озарилось улыбкой. – А это забавное предположение. Возможно это и так, но все-таки немного наивно... – здесь наш герой, вспоминая минуту, добавил, – ах нет, лучше сказать – инфантильно. Да, инфантильно! Иной раз так и обнаруживаю оставшиеся частички милого детства. Я всегда рад таким находкам... и сейчас, чтоб продолжить приятное, пойду познакомлюсь со своим новым домашним питомцем!».

Позабыв о живописном пейзаже за стеклом, а также вопросах им вызываемых, позабыв и все думы, он, как подобает истинному аристократу, не спеша поднялся из-за столика, поднёс полотенце губам, и после легкого соприкосновения, швырнул его обратно.

Когда Александр пришёл в коридор, то в измятом ботинке уже никого не оказалось. Долгие поиски привели его лишь к одной, однако очень важной улике: у ножек комода чернело перо. И распластавшись на полу, смотрел он в темную щель, откуда светился встречный взгляд птички. «Хо-хо, я тебя нашёл! Думал, я тебя не увижу? А вот и увидел! – какими бы ободрёнными возгласами он не начинал, совсем скоро тон просьбы сменил их. – Давай выходи, я тебя не обижу!.. ну выходи...».

Александр понял, что дело не простое – ему пришлось за-таить дыхание, спрятаться за угол да замереть там. Как он и предвидел, послышалось шуршание, писк, вслед за которым показался клубок пыли с клювом. Наш герой позаботился

снять объемное обмундирование со своего нового друга, по завершению чего слегка округлил щеки и подул на птенца, чтобы убрать остатки пыли, отчего последний сжался, напрягся, покосился и, сопротивляюсь не более секунды, свалился на бок. «Ха-ха, погляди вот так на тебя, точно можно уметь со смеху! – пытаюсь встать на лапки, птенец крайне неловко покачивался. – Тебе, определённо, нужно набраться сил. Ладно, пойдём, дружок, я накормлю тебя... молоком! Ты же не станешь отказываться от молока?» – с таким намерением они побрели на кухню за утренним рационом. Спустя пару минут наш герой кормил пернатого из пипетки, временами помогая ему приоткрывать непослушный клюв. Птенец довольно мигал глазами, и будь у него губы, он наверняка бы улыбнулся.

Подумав немного над именем, Александр решил назвать его Аргом. В воображении его сразу вспыхнула сцена: вот он возвращается домой, на пороге звонко кричит «Арги», «Арго» или же «Аргент»; и прилетает к нему чёрная птица, усаживается на плечо; затем ходит он по просторному дому дерзкими шагами в точности как пират по захваченному кораблю, так же надменно, как султанский царь по дворцу, и наконец, величественно, как всемогущий творец по собственному миру.

«Надо же купить ему домик. У него тоже должен быть свой уютный уголок, – думал он про себя, после чего продолжил уже вслух. – Так как ты будешь там жить, должен ес-

ли не выбрать, то хотя бы присутствовать на месте выбора». Александру хотелось поглядеть да заодно показать своему пернатому другу дивный мир, ибо улицы в этот день были в особенности изумительны. На улице царила та самая пора, которую так часто описывали множеством живописных слов, что мне и не стоит даже пытаться обрисовывать её тебе. Стоит только сказать, что, находясь под пологом деревьев, даже самый нищий почувствует себя несоизмеримо богато, ибо все вокруг него вдруг окажется в золотом сиянии. Выйдя на прогулку, это чувство мало того, что подтвердилось, так заиграло ещё большими красками: взору Александра открылись красный, коричневый, зеленый и их оттеночные цвета. Наш герой полностью погрузился в огненную пестроту фона: «Почему же природа не становится такой привычной и наскучной из-за повторяющейся из года в год картины? Может, она выглядит настолько захватывающе, что каждый раз благодаря своему обаянию напускает на человека забытьё?.. Хотя, возможно, всё проще: живая сила наделена жилой неиссякаемого контраста, к которой просто нельзя привыкнуть. И я уверен, она – это истинная красота. А что-либо истинное никогда не сможет оставить человека беспристрастным, потому что это несколько выше его сущности... Природа – это нечто объективно изящное и в то же время непостижимое, гигантское. Просто невозможно, чтобы такое ничтожное существо, как человек, мог насытиться ею... и чем старше он становится, тем больше он это осознает... тем дороже

его душе становится каждая осенняя пора».

По пути в зоомагазин Александр заметил, что люди до крайности хмуры и угрюмы. Это не могло не кинуться в глаза на столь красочном фоне. Одни прохожие, понутив свою легкую голову, смотрели себе под ноги, и, кажется, им было ничего не нужно от этого мира, кроме надуманных проблем и забот. Иные, которые шли вместе, увлеченно выплескивали безудержный поток абсурда из своих ртов. От них то и дело доносилось невежественные возгласы «а я сегодня», «а у меня», «а я», «я», «я»... Можешь не сомневаться: они не слушали друг друга; пока говорил первый, второй, кивая, размышлял, о чём поведать своему напарнику.

На всех их измученно дряхлых лицах читалась рутина, слова которой побуквенно, с усердной кропотливостью выводились обществом ещё с самого рождения. Они привыкли к ней, и поэтому в их понимании это выглядит как нечто естественное, неотъемлемое от тяжёлой жизни.

На протяжении всего похода Александра никак не покидало чувство, будто его сверлили в спину взглядом. В один момент это и заставило его обернуться. Все люди, которых он видел, совершенно все, смотрели на него, то за его спину, то за свою, а затем ему в шаг.

Александр нёс за своими плечами нечто объемное. Оно тянулось за ним в виде облака, или же даже снежной лавины. Бесформенный образ есть некий дух. Он есть и у тебя за спиной. Нужно только его прочувствовать. Он сзади. Воз-

вышаается за тобой. Это что-то холодное. Ледяное дыхание. Мороз от холодных рук. Люди, которые дороги твоей душе. Они белоснежные и с невидящими глазами, шагают за тобой по пятам. Среди них витают события прожитых дней. Сотни нитей. Они переплетены между собой. И простирается череда воспоминаний: горести, страхи, улыбки, слезы, мечты. Все тянется за тобой. Стоит только оглянуться.

Александр вглядывался в поток за плечами – и это приносило ему только боль. Ибо всё, что в нем когда-то было: то алая кровь, то нежно-розовые лица, то ослепительно-жёлтое солнце – уже стало выцветшим и бесцветным.

За спиной нашего героя было прошлое, на которое он так жадно оборачивался, как и все эти люди.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Он понял, что у живых что-то происходит; он так долго жил в мешке, что имел право считать себя мертвецом. <...> Услышав лязг тяжелых засовов и скрежет заржавелых петель, поворачивающихся на крюках, Дантес, который сидел в углу и с неизъяснимым наслаждением ловил тоненький луч света, проникавший в узкую решетчатую щель, приподнял голову.

Дюма, «Граф Монте-Кристо»

Вызвать улыбку на твоём лице просто: я всего лишь рас-

скажу, насколько человек бывает непрактичным, в особенности – мечтатель.

На обратном пути, держа в руке маленький домик, за решётками которого жалобно выглядывали два глазика Арга, в голову Александра заползла мысль о предрассудках.

Тебе никогда не казалось, что дом для птицы в качестве клетки является одним из них – жестоким и парадоксальным? Даже человеку, которому никогда не приходилось копаться в пыльных углах мифологии, все равно известно, что птица – олицетворение свободы, легкости и возвышенности.

«Люди заводят тебя ради наслаждения силой вольности, но надевают оковы на твои крылья посредством клетки и держат в угнетающем заточении, – украдкой поглядев на своего друга, возникло в голове Александра. – Они оставляют тебе глаза в виде лазеек между прутьями решетки для того, чтобы ты, невзирая на своё небесное происхождение, видел свою жалкость. Возомнив себя богами, они усмеваются над тобой – но знай: люди таким образом пытаются замаскировать именно свою ничтожность».

Часто подобные мысли выводят нашего героя из себя. В подобные моменты он всей сущностью презирает этот мир, этих беспросветных созданий, эту справедливость, которая затерялась среди обширной низменности. Он чувствовал, что досада разрастается и сию секунду должна разорвать его. В этот момент мозг его был уже поражён, глаза залились яростью, а мышцы затвердели, как пластичный металл. Внутри

груди нестерпимо жгло. Бурление вулкана захлебнулось, и всё то, что так долго подавлялось, резким порывом взлетело на воздух. Тучи заполонили небосклон, наступила минута затмения. Окружающие звуки растворились, и из глубины сознания импульсивно донёсся *Xxxtentacion* с «*KING*».

В нашего героя вселился бес, и, руководствуясь шёпоту зловещего духа, Александр разорвал паршивые оковы клетки, оставив одну большую дыру, показывая людям, что находится у них в груди.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Вся прелесть прошлого в том, что оно – прошлое.

Уайльд, «Портрет Дориана Грея»

Предлагаю отвлечься от пересказа происходящего и совсем немного осведомиться о прошлом нашего героя.

Всю сознательную жизнь, где родился и вырос, Александр провёл в столице России – Москве, такой естественно красивой утром и ослепительно-яркой ночью. Однако, правда жизни такова, что всё, даже приятное и хорошее, рано или поздно приедается. Со временем разрушается и призма, через которую человек смотрел во время очарования. В глазах его появляются сначала едва уловимые темноватые оттенки, а потом вовсе ясные чёрные цвета – недостатки. В этом случае, если любовь и преданность велика, взваливает он дан-

ный тяжкий груз на собственные плечи, называя это компромиссом. Именно таким образом некоторые из них он и перенимает на себя.

Александр тоже являлся заложником некоторых слабостей. Благодаря своей любви к городу он не представлял жизнь без роскоши и удобства. Правда, пороки не будут пороками как таковыми, если научится первоклассно оправдывать их громкими словами: «Ну разве грешно нести в себе дух вымирающего аристократизма?!».

Где роскошь, там и бесчисленное множество красивых девушек, подумаете вы? – И всё правильно. Александр не переставал восхищаться их внешней красотой. Он мог молча просидеть в шумной компании на каком-нибудь праздничном вечере долгое время, засмотревшись на очаровательную девушку, попросту следя за выражениями её живого личика и мягкостью движений. Но уже тогда он знал, что ожидает, если решится заглянуть глубже.

Помнишь, я рассказывал, как мучительно восстанавливать каждую собственноручно выграненную частичку хрустального мира? В особенности после его полного краха. Разочарование словно душило Александра. Ему не хотелось в лишний раз обострять это чувство, заставляя себя вглядываться в ширму, за которой опять окажется беспросветная пустота.

Восхищаться красотой девушек и не поддаваться её соблазну, быть целомудренным – дело двух крайностей, и та-

ким был наш герой.

Проблема взаимоотношений была для него вездесуща. Александр подозревал, что попал в этот мир по ошибке, когда должен был родиться где-то в совершенно другом месте. Не мудрено так думать, когда замечаешь, что никто не в состоянии видеть мир в столь разнообразном свете и испытывать то, что чувствуешь ты, а также разделять твои стремления и мысли. Семья его не была исключением.

В один момент, когда недопонимание его поглотило – Александр решил переехать на съемную квартиру. Иногда он находил приятным отрешиться от всех, чтобы побыть с собой и со своими мыслями наедине. Для того чтобы совершить это, ему потребовалось работать четыре месяца не покладая рук. Избалованному ребёнку пришлось не по себе. После столь продолжительного отдыха и ведения беззаботного образа жизни, суть которой заключалась лишь в пассивном наслаждении и отстранении от быта, на него, как снег на голову, свалилось много мелких житейских хлопот, да такое количество, что их можно было смело прозвать сугробом. Однако, несмотря на все возникшие трудности, запала у него всё-таки хватило. И сполна: за этот период Александр написал двадцать семь картин, творя их ночью после основной работы. Для скорейшего достижения цели он продавал своё творчество по таким ценам, которые просто нелепо озвучивать. И накопив минимальный запас сбережений, он осуществил затерянное дело с пылким энтузиазмом. Да так, что

уже спустя четыре года после переезда наш герой жил уже в собственном особняке.

Успех приносили, как он сам осознавал, весьма заурядные картины. Порой ему просто приходилось удовлетворять голодные пасти массы, кидая им гнилой кусок на растерзание, и такой ими обожаемый, что не жалея, они отдавали баснословные деньги за столь долгожданный деликатес.

Творчеством Александра – его умением выплеснуть уникальное видение на полотно, восхищались также и художники его времени, слепо подражая во всём, что бы он только не сделал. Иной раз это доходило до абсурда: любая оплошность или небрежность с его стороны, временами даже целенаправленное глумление в новой работе – вскоре подобное начинало мелькать и в трудах современников, а впоследствии и вовсе вырастало в целую тенденцию. Только сам автор, кажется, был единственным, кто понимал, что все эти работы, которые так громко восхваляются – не есть глубокие воды искусства, а лишь её поверхность. Действительно глубинные картины, написанные им в минуты исступления, не известны миру и по сей день. Их никто не видел, да и вряд ли увидит. Александр вложил туда всю свою душу, и, боясь чёрствости мира, в своё время прятал их даже от самого нежного, существующего на этом свете – мягких лучей солнца. Хранил он их в самом сердце своего дома – тёмной комнате. Однако в один день полотна исчезли. Исчезли вместе с их автором.

Что на них изображено – раскроется в протяжении следующих глав. Скажу только, что они были написаны в порывах, вызванных душераздирающими мыслями.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Я знаю, что когда-нибудь это все станет просто историей. Наши фотографии станут старыми фотографиями, а все мы станем чьими-нибудь мамами и папами, но сейчас это еще пока не история. Это происходит. И я здесь, и я... смотрю на нее, потому что она прекрасна. В какой-то момент ты понимаешь, что ты – это не грустная история. Ты жив! И ты слушаешь эту песню, и едешь по дороге с людьми, которых любишь больше всего на свете. И в этот момент, клянусь, мы – часть вечности!

Чбоски, «Хорошо быть тихоней»

Тем временем, пока мы вдавались в лирику, как-то незаметно пролетело несколько месяцев. Такое часто бывает: не успеешь моргнуть глазом, как осень вдруг меняется зимой.

За это время Александр дал понять крылатому другу, что летать он может везде, где только ему вздумается. Арг, наверняка, чувствовал себя свободно. Между прочим, он ни разу не вылетал на улицу один. Возможно, что он просто привык к дому и поэтому боялся вылетать туда без своего хозяина. Ведь когда они, два друга, гуляли вместе по участку,

пернатый всегда выглядел спокойно. Он сидел у Александра на плече, пока тот медленно ступал по усаженной пестрыми цветами дорожке. Стоило хозяину опуститься в задумчивости на скамейку, как Арг взмахивал крыльями и начинал то кружить над домом, то парить среди развесистых крон дуба и сосны, то нырять в зеленую гущу яблонь, маневрируя среди веток и частенько сшибая плоды. В город они выходили достаточно редко – там было много суеты, которая лишь отвлекала от мыслей.

На протяжении полугода Александр каждую неделю измерял рост Арга, ибо он рос, как говорится, не по дням, а по часам. И по подсчёту за этот период он вырос на целых 34 сантиметра, что весьма удивляло его хозяина.

Ещё Александр научил его ловить хлебные крошки либо горох прямо налету. Дело в том, что подобное совместное времяпрепровождение нравилось им обоим. Это было видно по их глазам. У Арга, как для птицы, они были удивительно живые – от них словно доносились нотки человеческой души. Иной раз Александр дивился этому, и у него, бывало, проскакивала шуточная мысль, что в плоти птицы будто находится человек, а точнее, его сознание, которое не прочь побыть крылатым хотя бы для разнообразия. «Только, наверняка, ему очень скучно не разговаривая» – добавлял он при этом.

Спустя полгода их безмятежной жизни Арг совсем возмужал и превратился в удивительно большую птицу. Алек-

сандр надумал съездить с ним на природу – показать властную свободу гор.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Пред ним было блестящее небо, внизу озеро, кругом горизонт светлый и бесконечный, которому конца-края нет. Он долго смотрел и терзался. Ему вспомнилось теперь, как простирал он руки свои в эту светлую, бесконечную синеву и плакал. Мучило его то, что всему этому он совсем чужой.
Достоевский, «Идиот»

Что испытывает человек, когда он собственными глазами видит целый мир, распластавшийся у ног его? Когда многочисленные города, состоящие из несчитанного числа огней, становятся желтыми песчинками? Когда бесконечные для взора реки принимают вид синей нити? Когда массивные и дремучие леса превращаются в квадратик зелени? – Он проникается возвышенностью. И делает это по-разному: может восхищаться природой, может благодарить бога, может восхвалять вселенную, может возносить внеземной разум.

На высокой горе, откуда открывается такой вид, находился Александр. На плече у него сидел пернатый друг, чьи крылья разводились в стороны, а взор сквозил искрой призрания. Презренческий огонёк вспыхивает в моменты лице-

зрения силы, стихия которой лежит лишь в порабощении, коя бушует и проявляется в полной мере пред глазами ещё непреклонного существа. Арг томно смотрел в густую серую массу: она медленно заслоняла яркие песчинки, контрастные нити и монотонные квадратики, пожирая краску и принуждая их бледнеть. Облака расстилались пушистым, изредка изорванным ковром, где из прорезов торчали острые верушки скал.

Александр посадил его лапами на палец и резко устремил рукой вверх. Через мгновение пернатый исчез.

Наш герой простоял на склоне горы два с половиной часа, пытаясь разглядеть маленькое чёрное пятнышко среди небесно-дымчатой глади. Своего верного друга он так и не увидел. Лишь темный горизонт кишел роем белых точек, и в голове пролетели недавно прочитанные строки:

*«Слезы. Кровь народов. История любви.
Смена поколений. Частичка потерянной души.
Страдание. Горесть. Погибшие мечты.
Смотри вверх, на небо.
Что же видишь ты?»*

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Холлуорд писал с увлечением, как всегда, чудесными, смелыми мазками, с тем подлинным изяществом и утонченно-

стью, которые – в искусстве по крайней мере – всегда являются признаком мощного таланта.

Уайльд, «Портрет Дориана Грея»

Остаток дня был невыносимым. Вернувшись домой, Александр в полной мере осознал потерю. Иной раз и сладостная обыденность обстановки, о которой я некогда говорил, может нести недобрую службу: вот лежит какая-то, с виду простая вещица, а пригладишься – уже частичка воспоминаний. Наш герой смотрел на стул, а видел Арга, кой сидел на его спинке пару часов назад. Или же кровать, пусть и не прямым, однако косвенным образом, так или иначе, напускала на него грустные впечатления, ибо засыпал он здесь некогда счастливым после прогулки с другом. А сейчас у него недоставало куска сердца, который так безжалостно вырвали последние события.

Подобное происходит, когда теряешь того, к кому сильно привязался. И в этом случае развитая чувствительность у человека служит грузным предметом, тянущим его в пропасть страданий – туда, где время не заглушает тоски о потерянном друге. Если время, как это принято говорить, и лечит, то, наверняка, только бездушных.

Постепенно переживания завладели Александром. Его организм испытывал что-то неладное: всё тело тряслось, голова раскалывалась пополам, а глазам мерещились ужасные видения. Мучительный бред окутал его разум. Он впал в

мрачное помешательство.

Дрожащая рука Александра каким-то произвольным образом потянулась к кисти и, еле взяв её, принялась, как ни в чём не бывало, изображать вырастающие перед нашим героем сцены. Он рисовывал только то, что видел.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Картина первая

Изобразив обширное помещение, Александр усеивает пол монотонной серой плиткой. Некоторых из них пронзает трещина. На темных стенах, недавно окрашенных в глубокий синий, слегка чернеют прогалины бетона; также, присмотревшись, можно заметить на них неровности: выпуклые поверхности собирают больше света, который и заставляет их предательски отсвечиваться.

Помещение тускло освещено. Потолок и отдаленные угловые участки вовсе охвачены мраком. Единственная лампа, подвешенная на две толстые проволоки, схожая с длинной коробкой, находится чуть выше человеческого роста. Эта железная махина изредка, резкими порывами напоминает о покидающих её силах. Она выплескивает последнюю энергию в отрывистые мерцания света. Здесь, возле неё замирает пара кружащихся ночных мотыльков.

Зал уставлен металлическо-блестящими столами. Лишь один покрыт белоснежной простыней, под которой скрыва-

ется тело человека.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Потом я смыл с нее кровь. Я одеревенел. Я причесал ее. Она остывала. Я перенес ее в мою постель и накрыл одеялами. Я сидел возле нее и не мог ни о чем думать. Я сидел на стуле и смотрел на нее. Вошла собака и села рядом со мной. Я видел, как изменялось лицо Пат. Я не мог ничего делать. Только сидеть вот так опустошенно и смотреть на нее. Потом наступило утро, и ее уже не было.

Ремарк, «Три товарища»

Что же случилось с птицей? – подозреваю, что этот вопрос скрытно зреет у тебя на уме.

Когда темнота, просочившись сквозь облака, спустилась вниз и наполнила собою улицы, Арг ощутил прилив новых сил. Он летал по широким просторам мира, следуя по сияющим пятам за ночным светилом. Снизу тянулись озера, поля и города. Но сейчас, когда мы обратили на него внимание, он, разрезая воздух острым клювом, падал вниз. Наш пристальный взор как будто ослабил могучие крылья птицы.

На его глазах во мраке молчаливой ночи крошечная тусклая точка медленно расщеплялась в дробь разбросанных огней. Огоньки постепенно соединялись между собой красочными нитями, что походило на разноцветную паутину. Ни-

ти её приближались к Аргу и, увеличиваясь в размерах, превращались в жёлтые извилистые впадины, которые, в свою очередь, стали уже отчётливыми улицами. Проспекты сверкали благодаря ярким головам на фоне тёмных, крутящихся вокруг колоритных витрин, экранов и машин.

Приблизительно на такой высоте, буквально за несколько секунд до, как казалось, неизбежного падения, Арг расправил крылья и впустил в воздух свои острые кончики перьев, раздирая плоть воздушной массы. Поравнявшись на уровне домов с вывесками и плакатами, взор его упал на приоткрытое окно, которое обливалось лунным светом. Залетев внутрь, птица села на подоконник.

За белоснежно-прозрачной шторкой, в тени комнаты находилась девушка. Свет то падал, то вновь убегал с её юного, отличающейся неизъяснимой красотой лица. В честь вознесения неземного обаяния она была награждена пышной темной короной волос, которая украсила голову, так же, как делает это растекающееся розовое солнце на лоне девственной природы. Её роскошные локоны свисали с такой прелестной небрежностью, что казалось, будто закругленные кончики так и ласкались о грустное, оттого более очаровательное личико. Хрупкий стан девушки поражал изящностью линий и походил больше на нежное перышко, которое все чаще и чаще колыхалось под усиленным дыханием.

Это божественное создание сидело за столом и окаменевшей рукой пыталось что-то написать; но, не осилив это, она

опустила свою тяжелейшую голову на руки, словно не в состоянии её больше держать. Из груди донёсся чуть слышный, пронизанный дрожью вздох. О дубовый стол разбилась капля.

Она вздрогнула, когда в тени комнаты показался человек. Сердце её сильно застучало, да так, что биение его почувствовали даже стены, отчего и они, уловив миг душевных переживаний, принялись пульсировать в такт. Вошедшая фигура незамедлительно направилась к девушке, снимая по пути чёрную шляпу. Тёплый лунный свет озарил худой бледный профиль; не оживись же он тотчас, можно бы было смело думать, что это профиль бездыханного человека. Как иначе объяснить отсутствие эмоций, застывший мученический взгляд и прямые, с опущенными уголками, едва цветные губы на молодом лице? Однако стоило лишь увидеть возлюбленную, и лицо его сразу же наполнилось живой силой, как у человека, вдохнувшего глоток свежего воздуха: из под ресниц засветился нежный взгляд и теплая улыбка расцвела на порозовевших губах. Смягчились также и черты лица, но всё же подобные прекрасные изменения так и не смогли затмить глубокие рубцы, оставленные одним из ключевых ударов платонической любви – страданием. Синие вены под глазами, выступающие скулы, да, в принципе, все худое сложение тела, говорили не столько о пренебрежении плотскими заботами, сколько о всевластной силе чувств над человеком. Поэтому, каким бы ярким светом не заливался

образ вошедшего юноши, среди ослепительных лучей всегда виднелась тень тяжелой, но то же время блаженной ноши великих чувств.

Девушка трепетно приподнялась и, сделав быстрый шаг навстречу, схватила его за руку. Она порывисто поднесла её к своему лицу, а затем, насладившись теплотой руки губами, ласково прильнула к ней щёчкой и застыла в таком положении, воображая, а может, припоминая себя маленькой девочкой, которая, прижавшись к мягкой игрушке, умилённо поглядывает на своего, выдуманного изощрённой фантазией героя.

Два беспечных ангела стояли и смотрели друг другу в глаза, и я уверяю тебя, они бы захлебнулись в своих чувствах, если бы один из них в бессилии не опустился на плечи другого, обняв его с нежной жадностью.

Но, вдруг о чем-то вспомнив, девушка вырвалась из объятий и резким движением потянулась за бумажкой на столе. Она в одно мгновение разорвала сложенное письмо своими тонкими пальчиками.

Юноша, в сладком блаженстве поправляя её каштановые кудри, все ещё летал в облаках. Что только не держал в голове своей, что только не мечталось, что только не пролетало пред мысленным взором его. Сколько он её не видел, сколько он её еще мог не увидеть? а теперь она здесь, рядом, словно никогда и не существовало никакой преграды в тысячи километров. Он в небесах, она возле; вглядывается в её ли-

цо и не может налюбоваться; он берёт её за руку – и вдруг раздаётся, как гром, злополучный звук рвущейся бумаги и спускает его на землю, развеивает опьяняющий дурман. Однако объект его восхищения не улетучивается – значит это не очередные грёзы.

Едва придя в себя, он вновь подошёл к девушке поближе, дотронулся до кончиков её пальцев, а другой рукой прикоснулся к подбородку, обращая лицо на себя. Юноша испытующе заглянул в глаза своей возлюбленной, пытаясь найти там все ответы. Её глаза кротко поднялись и озарились детской улыбкой. Но, проникаясь вкусом сокровенного мгновения, они медленно таяли, отчего становились все менее и менее подвижными. В тёплом, застывшем взгляде плескались наплывы нежности и обожания, импульсы любви и душевных порывов.

Человеку суждено лишь однажды в своей жизни испытать на себе подобный взор, так же, как и обратить его на кого-то одного, вложив туда все непостижимые слова чувства.

И погрузившись в глаза друг другу, где сосредоточена вся человеческая душа и её чистейшая возвышенность, два непорочных, прекрасных создания гуляли по своему миру, по своим хрустальным дворцам под музыку *LIL PEEP "Let me bleed"*; они с разинутым ртом восхищались разноцветными переливами и блеском стен в солнечную погоду; в пасмурную же – смеялись над толстыми, а оттого медленными и неуклюжими водяными змейками, которые проворно полз-

ли по замку. Они то смеялись, то плакали от счастья, и не могли поверить в его свершение. Влюблённые, с виду неподвижные, испытывали ураган внутри.

Среди испытываемых эмоций, юноша уловил перемену в драгоценных для него глазах: они начали излучать грустную и томную лучинку; вскоре же стали полуоткрытыми и уставшими.

– Что тебя мучает? – тихо спросил он.

В ответ молчание.

– Дело в письме, которое ты разорвала? – продолжил после некой паузы. – Поему ты не хочешь, чтобы я видел его?

В голосе юноши чувствовалась бесконечная ласка и забота. Но девушка ничего не отвечала. Она только уперлась лицом ему в шею.

– Ты можешь не говорить мне ничего. Я знаю...

– Я... я... – смогла вымолвить она.

– ...знаю тебя лучше себя – продолжал он страстно. – Мне просто хотелось услышать написанное тобою. Ведь это письмо писала ты. Я заметил твой почерк. И, кажется, догадываюсь... Ты действительно думаешь, что мы никогда не сможем быть вместе вечно? Неужели ты думаешь, что есть что-то сильнее нас, способное разорвать наши сплетенные души?

– Я боюсь. Я этого ужасно боюсь. Мне всегда будет мало тебя. Мало этой жизни, чтобы провести ее с тобой – задыхаясь, говорила девушка. – Но я вдруг представила, что настанет день, когда одного из нас не станет. Вдруг ты уйдёшь

из этого мира, оставив меня в этой пустотой темноте. Я не представляю свою жизнь без тебя. Вот чего я действительно боюсь. Я не хочу это принимать...

Воцарилась сердечная тишина, ибо только в ней слышно стук сердец, переполненных любовью.

– А ты думаешь там не темно и пусто? – с некоторым усилием сказал юноша.

– Какая разница, если мы будем держаться за руки?

– И смерть не сможет разорвать наши сплетённые души, ибо мы покончим с ней быстрее, чем она покончит с нами. И так мы сможем быть вместе и держаться за руки всегда.

– Я буду держать тебя за руку всегда, любимый мой. Всегда.

Потянувшись назад, юноша вынул из пояса кинжал и плавным движением, остриём вверх, просунул его между прижатыми телами.

Два беспечных ангела смотрели друг другу в глаза, и я уверяю тебя, они бы утонули в своих чувствах, если бы один из них не прижался к другому всем телом, предварительно направив руку с остриём в свою сторону. И соприкоснувшись губами, они слились воедино, отдавшись воле вечного поцелуя.

Из окна лился тёплый лунный свет. Юноша, сгорбившись, припал на одно колено. Его, по обыкновению беспристрастные губы приняли вид горькой улыбки. На своих руках он держал девушку; на её лазурном платье разрасталось чёрное

пятно, в середине которого торчала рукоятка.

Вытащив из груди серебряно-алый кинжал, юноша с трепетом приподнял девушку и сел в кресло. Он посадил её на свои колени и, обняв, опустился на спинку кресла таким образом, что девушка прижалась к нему, как маленький ребёнок, который заснул за чтением книжки, склонив головку на грудь родителя и поджав ножки. Юноша, в последний раз созерцая алмазные звёзды на сапфировом небосводе, сжал руку любимой и с размаха всадил себе в грудь окровавленный клинок. Несмотря на то, что его рука, обессилев, моментально упала на колени девушки, их скрещённые пальцы так и не разомкнулись.

Тихий, безмятежный покой комнаты нарушала тень птицы, которая, взмахивая крыльями, растворялась в лунном свете.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Картина вторая

Вторую картину Александр освещает ледяным лунным светом. Доштатый пол покрывается серебряной стружкой, которая, взбираясь вверх, заволакивает и розовую скатерть на столе; яркие частички скапливаются здесь в жажде новых завоеваний. В центре стола стоит стеклянная ваза с бледно-голубыми незабудками; их соцветия маленькие и хрупкие, и

половина уже опала, усыпав собою скатерть.

В другой стороне комнаты находится большой роскошный алый диван. Цвет этот в ночном мраке становится крепче и насыщенней. На его пышной поверхности лежит книга *Ф. Ницше «Так говорил Заратустра»*.

Напротив дивана висит огромная картина, которая настолько габаритна, что занимает почти две трети стены. Высокие стены оклеены в белоснежные обои. В темноте потолка изредка что-то поблескивает; стоит только засмотреться на высеченные из чистого золота узоры, как вдруг предстаёт сцена античного сражения. На твоих глазах кровь рыцарей льется желтым глянцем по сверкающим доспехам; и каждый малейший лучик света, обращенный в их сторону, воскрешает смертельную схватку: потолок вспыхивает искристым огнём под яростными взмахами мечей.

Под пологом бушующих страстей и их золотых вспышек, в центре комнаты, на полу покоится опрокинутый стул. На своей бездушной деревянной плоти он несёт роковую тень. Объектом вытянутой тени является человеческий лик. Он, свесив руки, в которых уже нет прежней силы, и опустив голову, которая не тяжела думами, нежели раньше, замер в воздухе. Его шею усердно стягивает верёвка, благодаря которой он парит под потолком.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Ум и сердце ребенка исполнились всех картин, сцен и нравов этого быта прежде, нежели он увидел первую книгу. А кто знает, как рано начинается развитие умственного зерна в детском мозгу? Как уследить за рождением в младенческой душе первых понятий и впечатлений?

Гончаров, «Обломов»

После безостановочных скитаний в тысячи километров, черная птица наконец нашла уютное местечко для отдыха; она приземлилась на нижнюю балку форточки. Перед ней оказалась небольшая комната, в которой царила приятная темнота. Чарующий свет луны слабо проникал сквозь шторы, освещая лишь мягкие контуры предметов, отчего вся атмосфера комнаты пропитывалась таинственностью. Небольшой столик, расположенный почти в центре комнаты, был похож на некий пьедестал, возвышающийся из пушистой темноты. На пьедестале красовался светящийся шар – круглый аквариум, который отражал блестящий свет; там плескались рыбы с золотыми хвостиками.

Пол же, в свою очередь, был устелен светлым ковром, где расцветали вышитые цветы; он раскинулся почти по всей площади, отчего казался огромным в такой комнатке. Сбоку у стенки находилась кровать – на ней мило спала девочка. По её высунутому из-под одеяла личику можно было судить, что ей около девяти. Укутавшись, она сладко сопела, несмотря на появляющиеся звуки за стенкой. Они станови-

лись все громче.

В скором времени скрипящим рывком открылась дверь – в комнату зашла темная фигура. Она, медленно плывя во тьме, очутилась рядом с кроватью и в тот же миг куда-то исчезла. Тень то ли провалилась в глубокую пропасть, то ли, обессилев, упала во мглу, которая, к слову, расстелилась как плотная трава на опушке леса.

Комната наполнилась вздохами, всхлипами, шепотом, иступлением. Однако, одновременно и с этим послышалось что-то и за стеной. Темная фигура неуверенно, но тут же поднялась и, дойдя до соседнего затемнения, вновь растворилась.

Донесся звонкий щелчок. В комнате мигом стало светло. На пороге, у двери стоял мужчина, держа руку на выключателе. Он огляделся. На диване, справа от него, лежала женщина, приложив кусок замороженного мяса к лицу. Повернув голову в другую сторону, он увидел, что на кровати, все так же беспечно спала девочка. Возле, на нежно-бежевом ковре, растекалось большое алое пятно; оно, топя в себе разноцветные цветочки, пожирало ковёр.

Мужчина, окинув ещё раз все взглядом, ушёл. Вернулся он с ведром и тряпкой и, упав на колени, принялся усердно тереть ковёр.

Девочка проснулась от громких слов. Приоткрыв свои заспанные глазки, она обратила их туда, откуда доносился злостный тон. Два голубовато-серых пятна встречно устави-

лись на неё; взор их был помутнён – белизну окутал грязно-желтый туман; венцом устрашения являлись крошечные зрачки, которые вселяли ужас подобно двум кинжалам, направленных прямо острием; за черными точками скрывалась нечеловеческая ярость. Девочка испугалась и опустила глаза. Там она нашла нечто более пугающее: в руках у мужчины была тряпка, которую он выжимал над ведром, с водою темно-розового оттенка.

Детские глаза, привыкшие познавать мир, энергично и бойко перепрыгивали с предмета на предмет. Это происходило с молниеносной быстротой – от первых мгновений внезапно появившихся лучей, своей яркостью которые резали глаза девочки; от первых мгновений звуков крика, крушащих сны девочки; до картины с окрашенной водой в ведре и окровавленной тряпкой с падающими каплями, до самого конца сцены не прошло и трех секунд. Со стороны казалось, что комната замерла и все в ней присутствующее неподвижно, так же, как и лицо девочки – оно просто не успевало проявлять краски эмоций. Исключением был её метающий взгляд.

Когда она опустила глаза еще ниже, то перед ней предстало жгучее алое пятно. Оно въедалось в ковёр, впуская в него обжигающе корни, так же, как в память девочки. Проницательный ребёнок испытывал странное ощущение: между алым пятном и взором простиралась странная связь, состоящая из множества тонких красных нитей; они заползали прямо че-

рез глаза в глубь души, где впоследствии выросли и созрели вместе с ней.

Конечно, можно задаться вопросом: что же вырастет из этой девочки? Будет ли она впоследствии плодом того семени, по случаю залетевшего к ней в сознание, или же проникнется она отвращением, как проникаются им люди, некогда пережившие ужасные события?

Невзирая на всё это, девочка спокойно отвернулась, посмотрела в окно и, заметив сидевшую в форточке птицу, со вздохом подумала: «Как хорошо, что я уже взрослая. Теперь я не боюсь таких снов».

Следя за черным отдаляющимся пятнышком в окне, она полетела за ним в свой новый мир снов.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Картина третья

Ракурс картины несколько разнится от предыдущих: он отдален от окна так, словно человек, смотрящий сцену, завис где-то в воздухе на метр от дома.

Александр легким движением кисточки открывает перед своим зрителем окно настежь, куда же непременно устремляется тёплый свет луны. Он растекается по всей комнате, преимущественно оседая на мужской фигуре – это заостряет внимание на его худом телосложении. Даже одежда не мо-

жет скрыть выступающих костей: они поддавливают на прозрачно-белую рубашку. Сгорбившись, мужчина припал на одно колено. Лицо его, подобно зеркалу души, отображает все неоднозначные, а оттого более глубокие эмоции. Губы, сложенные в горькую улыбку; глаза, охваченные безумным обожанием; яростно бьющиеся скулы, стучащие под стать сердечному ритму – все говорит о внутренней борьбе чувств с разумом.

На своих руках он держит девушку, которая поддалась к нему грудью. Он, одной рукой обняв за талию, прижимает её к себе. Лазурное платье хорошо подчеркивает стройную фигуру девушки; также его приятный цвет создаёт резкий контраст между алым пятном, выделяющимся в области декольте.

Другой рукой мужчина поддерживает её бледно-розовую голову. На лице девушки отсутствуют какие-либо эмоции, за исключением умиротворения. Глаза её закрыты. Слегка приоткрытый рот обнажает белые, местами окровавленные кончики зубов. Волосы её растрепанны, хотя некогда были заплетены в косу; развиваясь на ветру, исходящего из окна, они приподнялись и застыли в воздухе.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Большая птица уселась на оконный карниз и увидела обширное тускло-освещённое помещение с белым полом и си-

ними стенами. Нижнее пространство помещения было заполнено железными столами. Лишь один из них утаивал металлический блеск поверхности, выставляя напоказ белую выпуклую простыню.

В совершенной тишине, изредка нарушаемой всхлипами умирающей лампы, слышались постепенно увеличивающиеся в громкости стуки – это были неспешные шаги по плитке. Их звук, когда уж стал совсем невыносимым, уступил первенство треску и жужжанию включённых, ещё моргающих ото сна лампочек. Комната осветилась, но от этого стала ещё мрачнее: плиточный пол при свете раскрыл свое истинное лицо и оказался обшарпанным серым, а темно-синие стены наполнились глубинной насыщенностью цвета.

В зале появились два человека. Один из них был в белом халате, а другой, будто полная его противоположность – с седыми волосами, в тёмной одежде.

Человек в халате подошёл к одинокой простыне, под которой вырисовывалось очертание человека и небрежно, одной рукой отдернул ткань.

Несмотря, как казалось бы, на развязку событий, старик так и остался неподвижным, словно не обращая внимания на происходящее; он даже не пошевелился с момента появления в этой комнате, ни разу не перевел и охваченного туманом отрешенности взгляда.

После нескольких каких-то неразборчивых слов, человек в халате, взяв старика под руку, подвёл его к отдёрнутой про-

стыне.

Эта мерзкая, дотошно выдраенная, отравляющая серостью плитка; эти стены, устрашающие своей беспросветной глубиной; этот тускло-серебряный блеск от стола, который режет глаза; эта белоснежная простыня, угнетающая своей порочной неизменностью – всё затмилось на фоне холодного лица с застывшими глазами; они стали белыми, оттого что пустота въелась в них, поглотив даже зрачки; ничто не могло прогнать эту пелену – окружающее для них не имела веса. И словно осознавая беспомощность материального мира, посиневшие губы отдались воле наслаждения забытьем – это сложилось в нечто похожее на искажённую и навеки застывшую улыбку.

Старик ощутил руку на своём плече, а затем оглушающие слова:

– Вы узнаете...

Под гнётом роковых вопросов содрогался даже воздух.

– Вы слышите меня? Это он?

Наступила тяжёлая минута, в безмолвии которой глаза старца обратились на человека в белом – он понял суть вопроса.

– Я... Я? Да к... кого же я должен узнать?

– Вашего сына.

– Нет...

– Не узнаете?

Человек в халате двумя руками закрыл тканью лицо мерт-

вого человека. Затем он подошёл к старику и, взяв его за локоть, заставил отвернуться. Он вопросительно посмотрел на деда, как бы ожидая осознанного, разумного ответа.

– Нет, я не узнаю его. Это не мой сын. Мой мальчик никогда не улыбался.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Картина четвёртая

Александр обрисовывает комнату, в которой ничего не может утаиться от обжигающих лучей, исходящих от кончиков люстры. В левой стороне находится габаритный тёмный шкаф, местами с прозрачными дверцами, наполненный всякой всячиной: разноцветными тряпками, хрустальной посудой, потрепанными книжками. Он занимает всю стену. У его «ног» находится крошечный столик, покрытый кружевной тканью, который уже на своих «плечах» держит круглый аквариум, лампу и пару тетрадок.

Противоположная же стена украшена плакатами и фотографиями. Также здесь висят голубые часы с кружащимися лебедями; стрелки у них замерли на полвторого ночи.

У этой же стены находится кровать. Постельное бельё на ней нежно-розовое, коё проминается под детским локотком – маленькая девочка, приподнявшись, испугано смотрит с кровати.

На дальней стенке комнаты висит холст с пышными подсолнухами; среди них есть как и большие, с распутившими-ся головами, так и маленькие бутоны, которые пока даже и не планировали цвести. Под картиной располагается диван – здесь лежит женщина, заслонив лицо руками.

Александр переносится в центр комнаты, где изображает мужчину, сидящего на полу. Голова его опущена. Рядом с ним стоит ведро с красной водой. Он обеими руками трёт пятно на ковре. Несмотря на неподвижную сцену, заметно, как темное пятно въедается в ковёр, впуская в него свои обжигающие алые корни.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

"Все, что было в нем живо, блекнет, гаснет, отмирает. До сознания дошло, как много он теперь спит и как все время хочет спать. Прежде сон был ему ненавистен. Сон отнимал драгоценные мгновения жизни. Четыре часа сна в сутки – значит, четыре часа украдены у жизни. Как его злило, что не спать нельзя. А теперь его злит жизнь. Она потеряла вкус, в ней не стало остроты, она отдает горечью.

Джек Лондон, «Мартин Иден»

Издалека облако казалось объёмной фигурой, которое, в свою очередь, принимало внешность ни то льва в прыжке, ни то обезглавленного кентавра. Природа ради забавы, буд-

то усмехаясь над самыми искусными скульпторами, а может и наоборот, вдохновляя их, часто воздвигает монументы застывших в движении зверей с такой тончайшей виртуозностью, что даже их неподвижные облики колышутся под свирепым дыханием; и чем более она пытается скрыть их томящуюся силу, тем более она этот пламень выдаёт. По мере приближения непонятное существо медленно рассеивалось, разбавляя тёмный воздух сероватыми оттенками. Вскоре птица взмахивала крыльями среди прохладной дымки.

Вылетев из призрачного монстра, вдруг что-то тёплое сковало Арга и швырнуло в сторону. Все попытки овладеть ситуацией были тщетны: ветер схватил его за крылья. Могучий поток не отступал так же и перед острым клювом птицы.

Блестящий диск, который пару секунд тому назад был прямо перед глазами пернатого, уже медленно подкрался к его лапкам. И в тот момент, когда они вот-вот должны были соприкоснуться, Арг предпринял попытку во что бы то ни стало вцепиться в шероховатую поверхность острыми когтями; но и этому не суждено было случиться, ибо диск мгновенно проваливался вниз. Спустя несколько секунд диск показался уже откуда-то сбоку, хотя стал более походить на серебряный щит с испещрённой впадинами поверхностью, которая аж в некоторых местах осыпалась слоями. Однако наш крылатый друг был вовсе не в состоянии заметить подобных деталей, ведь он кружился безостановочно. В его

глазах сверкали лишь пёстрые точки и проволоки, выделяющиеся среди ночной тьмы – всё это сливалось в яркие бегущие дорожки, что кружило ему голову. Чутьё подсказывало птице, что концентрируется нужно на самом большом предмете, некогда блестящем диске и серебряном щите, самом ярком светиле, которое источает холодный свет – это единственный четкий ориентир в пространстве. Видя его чуть выше клюва, можно было бы уверять себя в том, что снизу находится земля с её отражающимися реками и горящими городами.

Все эти размышления о том, где находится твёрдая поверхность, были излишне, ибо поток тёплого воздуха мчал птицу прямо к земле. Ведомый ветром был все ещё не в силах овладеть крыльями. От надвигающейся гибели его бы спасал лишь один взмах, однако оцепеневшие крылья не слушались его. Наш пернатый друг готовился встречать смерть, как ветер вдруг изменил направление и, плавно изгибаясь полудугой, понёсся уже параллельно земле.

Воздушный поток принялся блуждать по ослепительно-ярким улицам с птицей в руках. Они вместе погружались в оживленную атмосферу и восхищались удивительным контрастом – не так давно они находились высоко-высоко, там, где веяло умиротворением и надменностью, там, откуда суета улиц казалась чем-то несоизмеримо крошечным и нелепым, а теперь они с детской радостью ныряют под провода фонарей.

Так ветер, лаская в своих тёплых объятиях, вернул птицу домой.

Доверившись первому обманчивому ощущению, дом показался птице пустым; однако в дальнем углу одного из окна, единственном месте, куда так и не смогла протянуть ледяные когти луна, среди тьмы выделялось ужасно исхудалое, разящее белизной лицо с чернющими мешками под глазами. За счёт созданных цветов лицо будто светилось. Среди гладко расчёсанных соломенных волос, которые доходили до плеч, уже в малой части были заметны те красивые формы лица, коими мы любовались раньше; однако оставшиеся частички прежней красоты особенно выделялись среди всеобщего безобразия.

Голова человека то опускалась на грудь, то изредка поднималась. Он невидящим взором смотрел в одну точку. Пылкость мысли, коя жила на его челе, охладилась до не узнаваемости. Выражение его лица было долго неизменным, и мы бы тоже потеряли счёт времени, если бы вдруг не проскочила в нем резкая перемена, которая, подобно молнии, в одно мгновение превратилась из долгой, томительной в резкую и пугающую. Отчаяние уступило место твёрдой уверенности. Человек приподнялся и обратил взор в окно.

Даже лживый свет луны не мог скрыть ни глубины страдания уставших глаз, ни тлеющего огонька в угасающем взоре, ни горести в морщинах на юношеском лице, ни пульсирующих от разочарования вен на висках. Юноша медленно,

будто нехотя, перевёл взгляд с холодного шара на серебряные крыши домов и только потом заметил черную птицу под своим окном.

Послышался изумленный, однако все равно тёплый, нежный от природы голос:

– Поверить своим глазам не могу! Это что ли... птица? Белое пятно на шее... Ты, Арги? Но... но как ты стал таким, таким...

Перед ним находилась птица неестественных размеров; она притаптывала своими лапами чуть ли не целые клумбы, оставляя гигантские следы на газоне.

– ...таким большим... нет, этого не может быть. Я не могу больше доверять своим глазам после всего случившегося за последнее время... Знаешь...

Повысив голос, он обратился, как ему казалось, к очередному плоду больного воображения.

– ...я ведь хотел, чтобы никто не смог видеть меня таким...

Он плавно приподнял руку и указал куда-то вверх, на потолок.

– Люди считают это слабостью. Но что они знают о ней? Можно ли назвать слабым шаг, сделанный в зияющую пропасть? У кого их этих сильных не дрогнет сердце при прикосновении к повязке вечности, которой они должны были бы обмотать глаза собственноручно, раз и навсегда вогнав во взор тоскливую и снотворную краску? Кто же не боится от-

дать сознание изоляции, где черный горизонт будет тянуться бесконечно? Кто же отдастся воле беспросветного тумана, зная, что он окутает и стянет тело до оцепенения?

– Даже за столь короткую жизнь я успел заметить, что почти все люди живут бессознательно. Неужели тогда есть разница между тем темным миром, где я уже одной ногой, и нашим, обычным, если шагать по нему с вытянутыми вперед руками, зажмурив глаза. Шагать даже туда, куда иногда не хочешь.

– Из них бывают и такие, кто думает, что покинув эту земную темь, они увидят свет. Я не могу утверждать, но... но что, если они ошибаются? Что же им тогда останется, кроме вечного сожаления, когда они, разукрасив живописную дорогу цветами скорби и страдания, поймут, что это была их единственная дорога?

– А что жизнь? Единственным светом в ней может быть только тот, к которому пробираешься сквозь терния. Из этого состоит весь жизненный путь. Только преодолев холод невзгод, только пробравшись сквозь темный лес отращенный, только покорив горы усилий, ты сможешь увидеть желанный свет счастья. Я боролся со всем этим и грезил, как окажусь высоко-высоко на древе поприща, которое даст мне возможность обозревать весь мир и его блага, где и согреюсь после столь долгого холода, где насыщусь лучами после столь долгой мрачной дороги. Но когда свет счастья оказался передо мной, когда я заметил лучи на своей коже, то не почув-

ствовал ничего. Я был опустошен. Это всего лишь иллюзия. Может, петляя в темноте, я однажды сбился с пути, ибо свет, который вижу, не греет меня. Лучше умереть в пути с целью, чем достигнув её, оказаться всё так же в холоде. Я отдал всего себя этому пути. Сейчас я устал. Устал от вечной мысли: что бы только я не сделал – всё равно это будет настолько ничтожным, что спрашивается: есть ли смысл в том, что я сделал и сделаю вообще? Жизнь человека мне напоминает песчинку... никчёмную песчинку на каком-то пляже, которая, ровным счётом, ничего не значит. Ох. Как же я устал от всего этого...

Это были последние слова. Его шею обвивала и стянула веревка. Стужей стало дыхание. Взор наполнился мраком. Душа должна была отдался вакууму, но, взмахивая крыльями и держась за птицу, следовала к чёрному горизонту. Две точки медленно растворились в лунном свете.

Халида Шимова, «Синяя птица», 2004

Аксель Галлен-Каллела, "Любовники", 1917